

БОЛЬШАЯ ПОЛИТИКА

Косово как детонатор

Энтузиазм по поводу возможного окончательного отделения Косово сродни восторгу самоубийцы, разжившегося свежим мышьяком

№ 4 (6), апрель 2006

Идея «права наций на самоопределение», во многом определившая судьбу Европы после Первой мировой войны, породила и множество неразрешимых споров между народами, распатала мировой порядок и способствовала зарождению Второй мировой войны

После победы над гитлеровской Германией, чья экспансия прикрывалась лозунгами права немецких меньшинств жить в общем доме, «право на самоопределение» было в сознании мирового сообщества задвинуто куда-то глубоко на задний план принципом территориальной целостности государств и нерушимости их границ. Ради этой территориальной целостности «цивилизованный мир» более или менее спокойно наблюдал, как в крови подавляются сепаратистские движения Биафры, Южного Судана, Чечни и множество других.

Принцип нерушимости границ в громадной степени способствовал тому, что мир после Второй мировой войны оказался более устойчивым, чем после Первой. Кровь, пролитая сепаратистами и теми, кто их подавлял, очевидно, меньше, чем кровь, которую пролили бы народы в борьбе всех против всех при применении права наций на самоопределение в деколонизирующемся мире.

Но принцип территориальной целостности и нерушимости границ — очевидно несправедлив. Он устанавливает иерархию народов, одни из которых имеют право на свое государство, другие — не имеют только потому, что одним в истории повезло, а другим нет, и в какой-то момент они оказались слабее и были завоеваны. Или даже потому, что в фиктивно федеральном государстве тоталитарные правители дали одним статус якобы союзных республик, другим — якобы автономных. Он заставляет жить вместе народы, которым лучше было бы жить отдельно, и делает разделенными народы, которым лучше бы жить вместе, в своем государстве.

Этот принцип вступал в такие противоречия с реальностью, что все равно нарушался, и чтобы как-то сохранить его, приходилось прибегать к разным юридическим фикциям вроде признания установленных в свое время Сталиным границ между республиками. Но настоящий удар по нему нанесла косовская проблема.

Биафра или Чечня были далеко от «цивилизованного мира». Косово — рядом, и Запад не мог спокойно наблюдать, как отстаивание Милошевичем принципа территориальной целостности Сербии порождает поток албанских беженцев, устремившихся в европейские столицы. Фактически те же, кто только что спокойно смотрел на подавление разных сепаратистских движений, сами оторвали Косово от Сербии и отдали его в руки албанских сепаратистов. Но так и не решились сделать следующий логический шаг — признать его независимость и создать прецедент. Теперь, похоже, этот прецедент все-таки будет создан.

Этот шаг — очень опасный, но, очевидно, неизбежный и способствующий приближению международного права к требованиям справедливости. Поощрять сепаратизм нельзя, но не допускать в принципе никаких отделений тоже невозможно. Должны быть выработаны какие-то правила, при которых отделение все же признаётся возможным.

Но у нас перспектива независимости Косово неожиданно вызвала восторг. И совсем по другим причинам, чем сочувствие албанцам или стремление гуманизировать систему международных отношений.

На протяжении позднесоветского и постсоветского периодов мы в России меняли наши принципы, как перчатки. Когда-то мы были страстными сторонниками права наций на самоопределение и восхищались карабахскими армянами. Потом дело дошло до права на самоопределение чеченцев, и об этом праве мы забыли. И вспоминали, когда речь заходила не о наших, а о соседских сепаратистах.

Теперь «наши» решили, что после признания независимости Косово Запад не посмеет поддерживать Грузию в ее стремлении избавиться от российских войск, занимающих Южную Осетию и Абхазию и охраняющих там сепаратистские режимы. Это, конечно, иллюзия. Запад сделает все возможное, чтобы ограничить значение косовского прецедента, чтобы юридически он выглядел как особый случай.

И действительно, ситуация в Абхазии и Южной Осетии принципиально отличается от ситуации в Косово. Сербы составляли одну десятую населения Косово, и результат любого референдума, даже при участии всех бежавших оттуда сербов, предрешен. И независимость края представляется справедливым решением проблемы.

Но выработать справедливое решение для Абхазии, где самих абхазов до начала войны было не больше 20 проц., а половину составляли грузины, впоследствии абхазами изгнанные, очень трудно. Поэтому никакого прямого переноса косовского прецедента на абхазскую и южноосетинскую ситуации быть не может, и давить на Россию все равно будут.

Где же решение? Для абхазов очевидны два варианта, первый из которых — в обмен на независимость отдать Грузии два района, до войны населенных грузинами. Сложность в том, что абхазы не пойдут на обмен этих районов, снабжающих сельскохозяйственной продукцией остальную часть республики. Второй вариант: возвращение всех беженцев-грузин в места проживания при условии принятия особого «советского» типа правления. К примеру, по Конституции первым лицом (президентом) может быть избран только абхаз, а вторым (вице-президентом или премьер-министром) грузин. Такая форма правления гарантировала бы абхазскому населению неизменность независимого статуса республики, а вернувшимся грузинам - соблюдение их прав.

Совершенно очевидно, что при нынешних грузинских властях такие планы не могут быть реализованы в силу целого ряда причин. Общественное мнение Грузии настроено на возвращение территорий, и власть должна быть на порядок сильнее, чем нынешняя, для того чтобы пойти наперекор и решиться переломить ситуацию. В будущем к плану вернуться, особенно если в грузинском и абхазском обществах начнут уже сейчас обсуждать разные варианты.

Представим себе на минуту, что международное сообщество действительно пересмотрит отношение к осетинскому и абхазскому сепаратизму и через какое-то время и на каких-то условиях признает независимость Абхазии и Южной Осетии. Как раз для тех, кто сейчас выражает восторги по поводу того, что Западу, оказавшемуся в косовской ловушке, придется признать независимость Косово — это самая страшная перспектива.

Во-первых, в признанных Абхазии и Южной Осетии все разговоры о вхождении в Россию тут же прекращаются — никто никогда еще не шел добровольно на отказ от государственной независимости. Более того, перед ставшими независимыми южными осетинами тут же возникнет задача — объединиться с осетинами северными. И ясно, что не в составе России. Становятся ненужными и российские войска на их территории. Розданные местным жителям российские паспорта из символа, создающего иллюзию

территориального расширения России и дополнительный аргумент для пребывания наших войск в Грузии, превращаются в источник головной боли.

Во-вторых, пример бывших грузинских автономий был бы примером для северокавказских республик в составе России. Говоря о последствиях косовского прецедента, наши комментаторы даже боятся произнести слово «Чечня». Между тем как раз для Чечни косовский прецедент будет иметь колоссальное значение. Смешно думать, что чеченский сепаратизм подавлен навсегда. После некоторой передышки и переосмысления опыта он выйдет на поверхность при первой же возможности.

Признание независимости Абхазии и Южной Осетии, таким образом, означало бы конец российского владычества на Северном Кавказе. ■